

А Цзинь Жуй всего лишь поиграл с женщиной, старый господин Цзинь не станет из-за такой мелочи ругать Цзинь Жуй.

Таков был разрыв между ними.

Мама Хэ сказала: чтобы побеждать в ста битвах, нужно знать себя и врага. Чтобы вырваться из когтей Цзинь Жуй, нужно сначала выяснить сферу влияния его семьи — вряд ли они могут прикрыть собой весь мир, должно же быть место, куда он не сможет протянуть руку.

Папа Хэ считал, что мама Хэ права, но расследовать дела Цзинь Жуй — задача не из лёгких.

И расследование Цзинь Жуй, и планирование побега — всё это было непросто. Им требовалось много времени, чтобы всё выполнить. А значит, всё это время Хэ Дачжуану придётся оставаться в доме Цзиней и терпеть мучения от Цзинь Жуй.

Думая об этом, мама Хэ снова заплакала.

Папа Хэ обнял её и сказал, что сейчас им можно только терпеть, лишь терпеть. Только тогда будет шанс.

Папа Хэ и мама Хэ пробыли в больнице долго, прежде чем вернуться домой. Они уже обсудили свою версию событий, чтобы сначала скрыть правду от бабушки Хэ. Скрыть хоть на время — старики всё-таки не выдерживают сильных эмоций.

Бабушка Хэ всегда больше всего любила Хэ Дачжуана, и её симпатия к Цзинь Жую тоже была искренней. Если она узнает правду, то, наверное, не выдержит.

Они специально вернулись домой почти в полночь, но обнаружили, что бабушка Хэ всё ещё сидит на диване и ждёт их.

Сердца папы и мамы Хэ мгновенно сжались.

— Мама, почему ты так поздно ещё не спишь?

Бабушка Хэ посмотрела на них:

— Говорите, что случилось. Я выдержу.

Мама Хэ неуверенно улыбнулась:

— Мама, о чём ты? Ничего не случилось.

Бабушка Хэ уставилась на маму Хэ и молчала.

Мама Хэ молча отвела взгляд:

— Я пойду в туалет. — И сбежала.

Бабушка Хэ перевела взгляд на лицо папы Хэ. Папа Хэ, стараясь сохранять спокойствие, сказал:

— Мама, не думай лишнего, ничего не случилось. Просто сегодня в компании внезапно...

Папа Хэ не успел договорить, как слёзы бабушки Хэ неожиданно полились градом, застрыв у

него в горле.

— Вы теперь считаете меня старой и не хотите мне ничего говорить, да?

— Мама, не выдумывай.

— Тогда скажи мне, что же случилось с Чжуаном. Даже если его телефон сломался, прошёл уже целый день, разве он не мог купить новый?

Папа Хэ молчал, не зная, как соврать бабушке Хэ об этом деле. Даже если придумает, бабушка Хэ не поверит — она всегда больше всего заботилась о Хэ Дачжуане.

Бабушка Хэ, видя, что папа Хэ молчит, заплакала ещё сильнее. Своего сына она знала — такое поведение папы Хэ явно указывало на серьёзность ситуации.

Бабушка Хэ медленно поднялась и, глядя на папу Хэ, сказала:

— Раз ты не говоришь мне, я сама пойду и посмотрю.

Папа Хэ мгновенно заволновался, глядя на бабушку Хэ:

— Мама! Куда ты пойдёшь смотреть?

— Куда ещё? В дом Цзиней, искать его.

Лицо папы Хэ мгновенно изменилось:

— Нельзя идти!

Бабушка Хэ, глядя на его лицо, почувствовала, как сердце ёкнуло, и губы её задрожали:

— Что происходит?

Папа Хэ молчал.

Бабушка Хэ бросилась к папе Хэ, схватила его за одежду и закричала:

— Что происходит, что происходит!

Глаза папы Хэ постепенно наполнились слезами.

Вся бабушка Хэ дрожала:

— С Чжуаном что-то случилось? Да? А, скажи мне! Скажи мне!

Папа Хэ, глядя на бабушку Хэ, вдруг, словно ребёнок, схватил её за руку и хрипло произнёс:

— Мама...

Бабушка Хэ вся пошатнулась, похлопывая папу Хэ по руке:

— Всё в порядке, всё в порядке, у нашего Чжуана большая судьба, с ним ничего не случится. И, и разве не Жуйчик рядом? Он не даст ему...

— Не упоминай его! — Папа Хэ не дал бабушке Хэ договорить, громко перебив её.

Бабушка Хэ ошарашено смотрела на папу Хэ, совершенно остолбенев.

— Мама, не упоминай его, не упоминай. — Папа Хэ опустил голову и хрипло бормотал.

Капля упала на руку бабушки Хэ, которую держал папа Хэ. Сколько лет она не видела, как плачет её сын?

Бабушка Хэ смотрела на папу Хэ, в голове будто что-то мелькало перед глазами, но она не могла это ухватить.

— Жуйчик... он что-то сделал, да? — тихо спросила бабушка Хэ.

Папа Хэ не кивнул и не покачал головой, но бабушка Хэ уже поняла ответ.

— А Чжуан он... в опасности? — Бабушка Хэ, словно боясь что-то разбить, говорила так тихо, что это было похоже на бормотание. Папа Хэ покачал головой, но это было хуже, чем опасность.

Бабушка Хэ же успокоилась:

— И хорошо, и хорошо. Лишь бы жив был, любые трудности можно преодолеть.

Папа Хэ вытер глаза. Да, лишь бы жив был, какие трудности не преодолеть?

Бабушка Хэ похлопала папу Хэ по плечу:

— Иди спать, завтра рано на работу.

Папа Хэ кивнул, хрипло сказав:

— Мама, и ты иди скорее отдыхать.

Бабушка Хэ кивнула и пошла в комнату.

Мама Хэ, подавив слёзы, долго плакала в ванной, затем вытерла слёзы и вышла.

Тихая ночь, никто не говорил ни слова, кроме изредка сдерживаемых рыданий, больше не было слышно других звуков...

Хэ Дачжуана, как и следовало ожидать, заперли в доме Цзиней. Каждый день он только ел и спал. Хотя Цзинь Жуй и не ограничивал его свободу, он так и не переступил порог дома Цзиней.

Цзинь Жуй всё сказал достаточно ясно. Посмел бы он выйти? Смешно.

Телефон по-прежнему не звонил наружу, но домашний телефон был подключён. Однако Хэ Дачжуан ни разу не позвонил семье Хэ. Каждый раз, глядя на телефон, он надолго замирал.

Теперь в доме, кроме дворецкого Цзиня, никого не было.

И после того, как произошли те события, Цзинь Жуй практически перестал бывать в доме Цзиней. Неизвестно, был ли он действительно занят или намеренно избегал, но они стали очень редко видеться. Не больше трёх раз в неделю, и каждая встреча, кроме секса, была только сексом.

Дворецкий Цзинь каждый день докладывал ему новости о папе Хэ и других: с кем они ещё связались, сколько денег сняли, что купили.

Хэ Дачжуан каждый раз слушал это с бесстрастным лицом, внутренне усмехаясь — этот завуалированный шантаж вызывал крайнее отвращение.

Аппетит Хэ Дачжуана с каждым днём ухудшался, и больше всего его раздражало то, что с какого-то момента, стоит ему немного переест, как начинало тошнить. От запаха некоторых вещей тоже тошнило, по утрам, вставая, тоже тошнило. Неизвестно, не повредил ли он желудок, но целыми днями его только и тошнило, тошнило и тошнило.

Хэ Дачжуану было всё равно, лучше умереть, чем терпеть эти мучения. Чтобы не тошнило, он просто перестал есть: сначала с трёх раз в день перешёл на два, а теперь в основном ел только один раз в день. Вес сильно упал, тело, когда-то ещё с небольшим жирком, теперь стало просто кожа да кости.

Впрочем, Хэ Дачжуану не казалось, что он сильно похудел, потому что на животе ещё оставался жирок.

Хэ Дачжуан спал в полудрёме, как вдруг почувствовал, что кто-то навалился на него сверху. Он сразу подумал, кто это, и в испуге резко открыл глаза, глядя на человека перед собой.

За это время Цзинь Жуй возвращался считанные разы, и каждый раз, когда возвращался, жестоко мучил его. И каждый раз после этих мучений ему приходилось целый день лежать в постели.

На следующее утро, просыпаясь, рядом уже никого не было.

Хотя он и не особо грустил или расстраивался, но, честно говоря, было немного непривычно.

Они были вместе день и ночь больше года, каждое утро, просыпаясь, первое, что он видел, — это лицо Цзинь Жуя. И вдруг это исчезло — кому бы это ни было, было непривычно.

Но непривычно — не значит нежеланно. Хэ Дачжуан только и мечтал, чтобы Цзинь Жуй не возвращался.

Поэтому, когда Цзинь Жуй будил его среди ночи и мучил, это действительно не было чем-то новым.

Цзинь Жуй, весь пропахший алкоголем, навалился на него и, увидев, что тот проснулся, поднял голову, уставился на него и сказал:

— Ты проснулся?

Хэ Дачжуан нахмурился, глядя на него, протянул руку и оттолкнул его:

— Отвали!

Цзинь Жуй тут же схватил его руку и притянул человека обратно:

— Куда это?

Хэ Дачжуан вырывал свою руку:

— Отвали!

Цзинь Жуй мёртвой хваткой держал его руку, с заплетающимся языком приговаривая:

— Не отвалю, и не отвалю.

Хэ Дачжуан обернулся и посмотрел на него, так и хотелось дать пощёчину. Чёрт, да он пьяный дурак!

Цзинь Жуй крепко прижал Хэ Дачжуана к груди, прижимаясь лицом к его лицу и потираясь:

— Маленький Чжуан, маленький Чжуан.

<http://bllate.org/book/16150/1447255>